

Е. Л. Грановский. „Монополистический капитализм в России“. Изд. „Прибой“, Ленингр. Научно-исследов. институт марксизма. 1929 г.

Работа Е. Л. Грановского посвящена вопросу, по которому за последние годы появилось уже несколько аналогичных исследований — Ванага, Гиндина, Ронина, Гольмана и др., — вопросу о типе и об организационной структуре дореволюционного капитализма в России. Не только тема, но и материал, привлеченный автором для выяснения этого вопроса, является в значительной степени общим для всей этой серии работ. Правда, в рецензируемой книге сильнее представлен архивный материал, заимствованный из отчетов банков и акционерных компаний. Эта фактическая часть работы Грановского, свидетельствующая о том, что автор внимательно отнесся к задаче возможно более конкретного анализа довоенного капитализма, вызывает наименьшие сомнения. К сожалению, далеко не так обстоит дело с выводами, с историческими, а отчасти и теоретическими обобщениями автора. Е. Л. Грановский задался целью радикально пересмотреть результаты, добытые его предшественниками в области изучения довоенной экономики. Этот пересмотр идет по нескольким линиям. Первая часть работы сосредоточивает главное внимание на периодизации. Полемизируя с Ванагом, считающим, что система финансового капитала была установлена в России в период депрессии 1906—1909 гг., Грановский пытается доказать, что „вступление России в фазу финансового капитализма относится не к 1906—1910 гг., а к иному периоду“ — именно 1894—1900 гг. Вторая линия пересмотра касается форм и масштабов взаимоотношений русского и иностранного капитала в области банковского дела и финансирования промышленности. Е. Л. Грановский категорически оспаривает мнение о решающем влиянии иностранного капитала в русской системе финансового капитализма, о подчинении русских банков иностранному контролю, и выставляет другой тезис — за два десятилетия, предшествовавшие революции, позиции „национального“ капитала непрерывно укреплялись, финансовый капитал накануне войны играл в России в основном роль самостоятельного фактора, определявшего и экономическую эволюцию страны, и направление империалистической политики капитализма. Третья группа вопросов, выдвигаемых автором — это различные детали историко-экономического

характера: выяснение влияния экономической депрессии начала XX века на развитие форм финансового капитала (здесь автор опять-таки в противоречии с предыдущими исследованиями — подчеркивает, что эта депрессия не усилила, а ослабила связь промышленности с банками), выяснение типа этой связи на протяжении изучаемого периода, группировки банков и промышленных монополий по удельному весу в них национального и иностранного капитала и т. п. Наконец, в последней главе делается попытка связать добытые результаты с актуальными проблемами строительства социализма, взаимоотношениями СССР с капиталистическим миром, перспективами самостоятельного экономического развития и пр.

Остановимся прежде всего на той странной идее автора, согласно которой система монополистического и финансового капитализма, т. е. новейший империализм, сложилась в России в 90-х годах прошлого столетия. Для доказательства этой мысли автору следовало бы опрокинуть гораздо более серьезные барьеры, чем утверждения Ванага, Ронина и др. 90-е годы были периодом выработки программы российской соц.-демократии, в которой центральное место занимал вопрос о судьбах и формах капитализма в России. Эта программа была окончательно принята в 1903 г. Если бы к этому времени сложилась в стране система монополично-финансового капитализма, т. е. „навейший этап капитализма“, то неужели это прошло бы незамеченным для революционного марксизма в России? Между тем, программа 1903 г. об этом не говорит ни слова. Может быть, это объясняется тем, что в то время не существовало еще „Финансового Капитала“ Гильфердинга? Но во-первых, финансовый капитализм существовал еще до Гильфердинга и был предметом оживленного обсуждения и исследования на Западе задолго до того, как Гильфердинг выпустил свою книгу, подводившую и тоги, а не открывавшую новые эпохи. Во-вторых, не вредно вспомнить, что в 1919 г., когда на VIII съезде партии пересматривалась партийная программа, характеристика капитализма, данная в старой программе, была признана правильной именно для того времени, к которому наш автор считает возможным применить термин финансо-

вого капитализма. VIII съезд дополнил эту характеристику анализом империализма, но возникновение этого империализма съезд отнес не к 90-м годам прошлого века, а к началу XX в. „Процесс концентрации и централизации капитала, уничтожая свободную конкуренцию, привел в начале XX века к созданию могучих монополистических союзов капиталистов, — синдикатов, картелей, трестов, получивших решающее значение во всей экономической жизни, к слиянию банкового капитала с промышленным капиталом“ и т. д. Наконец, у Ленина в его основной работе об империализме мы находим прямые указания насчет сроков:

„Вот основные этапы истории монополий: 1) 1860—70 гг. — высшая предельная степень развития свободной конкуренции. Монополии — лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение, еще не прочны. Они — еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превращается в империализм“ (Ленин, т. XIII, стр. 251). Добавим, что и программа, и Ленин говорили о капиталистически-развитых странах. Россия, несмотря на быстрый темп промышленного развития и усвоенные передовые организационные формы, несомненно по-прежнему Зап. Европы и Америки вступила в новейший этап капитализма. Против этого, надеемся, Е. Л. Грановский спорить не станет. Наши справки свидетельствуют о том, что для молодых, да и для старых авторов бывает иной раз полезно, наряду с изучением архивных материалов, заглядывать и в популярные (и потому часто забываемые) документы. Это могло бы их избавить от труда затрачиваемого на всевозможные „открытия“. А если их уже очень одолевает жажда исследования установившихся взглядов и мнений, то надо по крайней мере делать это открыто, не маскируя этого полемикой против Ванга. Какую же, однако, аргументацию развивает Е. Л. Грановский в подкрепление своего сногшибательного тезиса. Довольно жалкую. Во первых из системы монополистического капитализма наш автор исключает важнейший признак — признак монополий. Важнейшие русские монополии были, как известно, созданы в 90-х годах. В 90-х годах их не было, за исключением сахарного синдиката и еще пары второстепенных объединений. Но для Грановского существование монополий — дело десятое. Он зарылся в банковские архивы и кроме балансов, контокоррентов, онколей и пр. для него ничего не существует. По этим балансам видно, что банки играли крупную роль в финансировании промышленности. Сращивание банков и предприятий — вот звено, уцепившись

за которое, он тянет цепь графарежных умозаключений. Раз сращивание — значит, финансовый капитал, значит финансовый капитализм, значит империализм. Следуя этому методу Е. Л. Грановский мог бы установить наличие финансового капитализма в 70-е годы, в период жел.-дор. строительства, к которому были довольно близки причастны банки иностранные и русские. Эпоху финансового капитала можно было бы на Западе начинать со времени учреждения *Credit mobilier*, деятельности братьев Пейра и железных дорог.

За организационной формой Е. Л. Грановский не видит масштабов, и потому с легким сердцем принимает за родыши и за развитые формы. Отсюда — его совершенно дикое преувеличение. Банковскую группу с основным капиталом в 29 млн., которая могла бы уместиться в жилетном кармане какого-нибудь современного банкира средней руки, он считает „мощным объединением“. К концу 90-х годов, когда весь капитал всех банков составлял каких-нибудь 180 млн., он полагает, что „русская банковская система достигла такой степени концентрации (4½ — 5 млн. в среднем на крупнейшие банки?), когда для нее стало возможным в широких размерах финансировать крупные концентрированные промышленные предприятия, сращиваясь с ними“. В качестве признаков сращивания автор приводит ряд таблиц, доказывающих существование личной унии между большинством крупных акционерных предприятий и банками. К сожалению, трудно определить значение приведенных материалов, поскольку автор не дает точных указаний об источниках. Но независимо от этого, личная уния сама по себе не решает дела. Во-первых, необходимо еще проследить, насколько она была длительной и прочной (непрочная связь, как указывает Ленин, не составляет характерного признака империалистической эпохи). Во вторых — для финансового капитализма характерна не личная уния банков с промышленными предприятиями вообще, а объединение в этой форме банковских и промышленных монополий. Между тем, именно такая форма связи отсутствовала в 90-х годах, за исключением промышленных монополий. Что касается прочности связей, то сам автор указывает, что в период депрессии, наступившей в 1900 г. объем взаимоотношений банков и промышленности сократился и относительно и абсолютно.

О финансовом капитализме в России нельзя говорить серьезно не только по отношению к 90-м годам, но даже по отношению к периоду депрессии 1900—1908 гг. 90-е годы были эпохой создания русского промышленного капитализма, создания тяжелой индустрии. Что касается банко-

вой системы, то настоящее ее развитие можно отнести лишь к периоду 1909—1914 гг. Пара цифр может служить в этом отношении достаточной иллюстрацией. За период 1894—1899 гг. акционерный капитал увеличился со 114 млн. до 185 млн., т.е. примерно на 60%. С 1900 по 1905 гг. увеличение составило всего 2%, 1905—1910 гг. — 23%, 1910—1914 гг. — 203%. Рост вкладов (соответственные периоды): 100%, 40%, 55%, 100%. (В 1914 г. вклады составили 2.542 млн. против 320 млн. в 1895 г.). Счет корреспондентов в 1895 г. составлял 101 млн., а в 1910 г. — 318 млн., в 1914 г. — 1.264 млн. Этих цифр достаточно, чтобы показать, что именно последнее предвоенное десятилетие по темпу роста и по абсолютной величине мобилизуемых капиталов дает право говорить об изменении организационной структуры капитализма, о финансовом капитализме. Темпы роста промышленности при сопоставлении тех же периодов дают обратную картину. По большинству отраслей период подъема 1910—1914 гг. дает более низкие показатели движения, чем период 1894—1899 гг. Такие же выводы можно получить и при сопоставлении степени концентрации капиталов в 90-х и 900-х годах, монополистического движения и пр.

Не будем останавливаться на других периодах, затрагиваемых автором. Заметим лишь, что его полемика против Гиндина, утверждающего с полным основанием, что во время войны роль банков несколько ослабела, столь же неудачна, как и полемика с Ваногом о роли банков в 90-х годах. Здесь опять-таки с нашим автором злую шутку сыграли организационный фетишизм и неумение рассматривать вещи в их реальных количественных соотношениях. Все факты, приводимые им в доказательство своей мысли, свидетельствуют только о том, что в период войны усилилась банковская спекуляция промышленными ценными бумагами, но спекуляция свидетельствует не об усилении контроля банков, а скорее об обратном (в этом отношении Ф. Енотавский правильно критикует ходячие представления о роли банков).

Курьезно, что когда Е. Л. Грановский переходит к рассмотрению вопроса о взаимоотношениях русских и иностранных финансовых групп, он сам вспоминает об этой роли спекуляции, правда, невпопад, пытаясь доказать, что усиление доли иностранного капитала в русских промышленных фондах не тождественно с усилением влияния иностранного капитала. Не будем останавливаться здесь на многочисленных сомнениях, возникающих почти на каждой странице этой

части работы. Общее утверждение Грановского, что иностранные банки при эмиссии ценных бумаг преследовали главным образом спекулятивные цели, а русские банки — цели контроля и руководства промышленным грондерством ровно ничем не доказано и является просто плодом фантазии. Русские банки отнюдь не были „благороднее“ иностранных и учредительской прибылью отнюдь не брезговали. А повышение доли иностранного капитала в акционерных предприятиях за период с 1894—1913 гг. (с 23% до 40%) настолько несомненный факт, что при всем желании отмахнуться от него организационными схемами и ссылками на национальный состав правлений акционерных обществ, автор вынужден в конце концов, с ним считаться.

К сожалению, место не позволяет нам остановиться на анализе автором тенденций „национализации“ или „денационализации“ русского капитализма, тем более, что вопрос сам по себе довольно сложен. Отметим лишь курьезный способ аргументации автора: признание русского империализма не самостоятельным фактором, Грановский считает равносильным отождествлению России с колонией. Это совмещается с довольно своеобразным пониманием сущности колониальных отношений. Так, высокий удельный вес иностранного капитала в туземной промышленности и есть признак колониальной зависимости, а эксплуатация страны при помощи государственных займов (Франция — Россия) отнюдь не причисляется к важнейшим признакам колониальных отношений. Графарежное приложение ленинской формулы империализма, без умения вникнуть в особые условия времени и места, лишает автора возможности понять, что в дореволюционной России (которая по Ленину принадлежала столько же Европе, сколько и Азии) совмещались черты колониальной и империалистической страны при чем русский империализм только отчасти вытекал из стремлений монополистического капитала. Борьба между Россией и Англией, на которую ссылается автор, но сила по Ленину вековой характер, равно как вопрос о Константинополе и проливах, тогда как в монополистическую стадию Россия вступила лишь в XX веке.

Отвергая концепции автора, основанные на теоретических ошибках и исторических преувеличениях, мы тем не менее, считаем ценной конкретную часть работы Е. Л. Грановского и в этом смысле рекомендуем ее читателю.

А. Гордон. „Система плановых органов СССР“. Под редакцией и с предисловием Г. М. Кржижановского. Изд. Комм. Академии, 1929 г., стр. 65, цена 70 к.

Плановые органы находятся на пороге своего десятилетнего юбилея. Десять лет борьбы за план вписали в актив плановых органов не мало серьезных достижений. От анализа, разработки отдельных „ударных“ вопросов, выдвигавшихся текущим хозяйственным днем, от отдельных экспертиз до синтетического охвата перспектив хозяйственного развития страны в пятилетнем плане, — таковы начальная и конечная (на сей день) точки развития деятельности системы плановых органов. Еще недавно — годовой план народного хозяйства был только почти литературным документом, слабо используемым для повседневного руководства в практической работе; ныне же пятилетний перспективный план, утвержденный V съездом советов Союза ССР — обязательная директива, производственная программа для всего трудового коллектива страны.

Опыт планирования народного хозяйства за истекшее время начинает служить предметом исследований, теория и практика планирования входит в учебные планы вузов как научная дисциплина, создаются специальные отделения планирования, готовящие кадры для плановой системы. Между тем, мы до сих пор не имеем еще даже попыток подытожить хотя бы в сжатом очерке историю борьбы за план.

Рецензируемая работа А. С. Гордона, является первой попыткой дать очерк эволюции системы плановых органов и уже по одному этому она представляет интерес. Книга дает очерк эволюции организационных форм работы по планированию народного хозяйства с первых дней Октябрьской революции до настоящего времени, причем в основу очерка положен, главным образом, законодательный материал, вышедший за это время.

Практические попытки планового ведения народного хозяйства начинаются с первых дней Октябрьской революции и они находят свое организационное выражение в создании Высшего совета народного хозяйства, который, по мысли своих основателей „вырабатывает общие нормы и планы регулирования экономической жизни страны, согласует и объединяет деятельность центральных и местных регулирующих учреждений (совещание по топливу, металлу, транспорту, центральный продовольственный комитет и проч.) соответствующих народных комиссариатов“.

Фактическое же развитие системы органов ВСНХ пошло по иному пути, ВСНХ не сложился в единый хозяйственный центр планового регулирования народного хозяйства, впоследствии эти функции с него были в законодательном порядке сняты.

„Непосредственным преемником плановых функций ВСНХ, как хозяйственного центра, следует считать Госплан, Совет Труда и Оборона, но между ВСНХ и Госпланом стоит орган, ныне почти совершенно забытый — Комиссия использования“. Это был также орган, ставивший задачи планового характера, притом не в ограниченной ведомственной области, а с точки зрения народнохозяйственного целого — задачи установления и рационализации связей между оказавшимися разрозненными клеточками народнохозяйственного организма“ (стр. 16). Но и опыт работ „Комиссии использования“ в построении плана был неудачным.

Причина неудачи планирования народнохозяйственного процесса периода военного коммунизма кроется, конечно, не в несовершенстве организационных форм, а в хозяйственной обстановке того времени. Страна, превращенная в осажденный лагерь, в период гражданской войны, отбиваясь от многочисленных врагов, не могла осуществить никакого хозяйственного плана. Этому периоду соответствовали ударные методы хозяйствования, отдельные независимые друг от друга задания в том или ином направлении. Да и не было необходимых предпосылок для того, чтобы сделать какую-либо сводную работу, в которой можно было бы предвидеть хозяйственное развитие.

„В военное время поневоле пришлось отбросить всякие поползновения провести в жизнь стройные государственные хозяйственные планы, вытекающие из существа хозяйственной обстановки всей той громадной территории, границы которой надо было еще утверждать огнем и мечом“, — так характеризует Г. М. Кржижановский в своей работе „Хозяйственные проблемы РСФСР“ тот период жизни страны.

Но если, однако, период военного коммунизма был периодом неудачных попыток практического планирования народного хозяйства, все же именно в этот период намечена была генеральная веха последующей великой работы по восстановлению производительных сил страны на основах новой техники. В марте 1920 г. IX съезд ВКП (б) выносит решения о едином хозяйственном плане хозяйственного возрождения страны, намечающий ряд очередных, последовательных друг друга обуславливающих задач. Этот план в основе должен иметь опору на новую технику. „Надлежит“, читаем мы в резолюции съезда, — „во главу угла технической стороны дела поставить широкое использование электрической энергии“, при этом съезд дал указания в какой именно последовательности.

Вслед за этим на VIII съезде советов был доложен „План электрификации РСФСР“, оцененный съездом как „первый план великого хозяйственного начинания“. Это был по сути дела, правильно замечает тов. Гордон — „первый опыт генерального плана народного хозяйства и первый опыт синтетической плановой мысли“ (стр. 27).

„Новая экономическая политика“ создала „резкий отрыв в преемственности хозяйственного опыта военной фазы нашей революции“¹. Однако этот отрыв касается лишь методов хозяйственного строительства, а не целевых установок. Интенсивная работа плановой мысли в предыдущий период была теперь с переходом к мирному строительству подхвачена практически и легла в основу плановой работы.

В начале 1921 г. следует целый ряд правительственных актов, положивших начало системе плановых органов страны. 22 февраля утверждается Общего государственная плановая комиссия, „для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана на основе одобренного VIII съездом советов плана электрификации“, в марте создаются центральные и ведомственные плановые комиссии „для устранения параллелизма и несогласованности, для увеличения стройности и упрощения экономического аппарата и для создания правильной соподчиненности его частей“, в июне создаются местные экономические совещания, на которые возлагаются и плановые функции, а впоследствии из них вырастают местные плановые органы. Так в основном создалась та система плановых органов, которая действует до настоящего времени.

В дальнейшем тов. Гордон отмечает такие этапы в организации плановой системы: 1) 1921—1924 гг. первоначальный период создания материальных и организационных предпосылок планового охвата хозяйства, 2) 1924—1926 гг. — период интенсивного, так называемого „восстановительного процесса“ и усиления наркоматского регулирования, 3) 1926—1927 г. — начальный период так называемого „реконструктивного процесса“ и организации обобщающей работы плановых органов, 4) период после XV съезда партии — незаконченный еще переломный период в организации плановых органов и методов их работы“.

Такое разграничение, как признает и сам тов. Гордон, весьма условно, и мы бы сказали, в известной мере надумано. Эта надуманность видна из того, что тов. Гордону не удалось в последующем изложении четко (хотя бы в основном) отделить один этап от другого. Вместе с тем и сам

очерк работы плановой системы за этот период времени страдает неполнотой и несистематичностью. В основе же все-таки эволюция показана верно. Первое время после НЭПа Госплану не удалось приступить к созданию единого хозяйственного плана. Обстановка первых годов НЭПа заставляла бросить почти все силы, все внимание на текущие вопросы. Погоня за „цельным, целым, настоящим планом“ в тот период времени была бы бюрократической затеей. Через два года только Госплан впервые приступил к синтетическому анализу хозяйства. Путем организации конъюнктурных наблюдений и лишь через четыре года дал первый опыт единого хозяйственного плана на год вперед, в виде „контрольных цифр“ на 1925/26 хоз. год. Масштаб плановой работы постепенно выростал „в меру создания материальных для нее предпосылок в самом растущем хозяйстве“. В период 1921—1924 г. созданы были эти основные предпосылки — перевод предприятий на хозрасчет, трестирование, разбивка их на союзные, республиканские и местные, реорганизация кооперативной системы, введение твердой валюты, организация бюджета и создание системы кредита и сети кредитных учреждений и т. п., без чего хозяйственный план не был бы возможен.

К тому же предстояло преодолеть широко распространенные „вреднейшие остатки административной партизанщины“, вытекавшие из хозяйственной обстановки первых лет НЭПа и частично унаследованные от военного коммунизма. Еще сейчас это порою чувствуется и за план приходится вести в практической действительности основательную борьбу. Происходившие плановые совещания, съезды неизменно отмечали недостаточную согласованность плановой системы Госплана с наркоматскими органами, что затрудняет плановую работу. XV съезд партии, отмечая „значительный шаг вперед в деле составления плановых заданий“, признал необходимым „усиление плановой дисциплины, укрепление плановых органов и улучшение планового руководства“. Состоявшийся после XV съезда ВКП (б) III съезд президиумов госпланов также отмечает в своей резолюции что „единство народного хозяйства Союза ССР диктует необходимость такой организационно-методологической увязки работ Госплана СССР с отдельными республиками и областями, союзными ведомствами, которая полностью обеспечила бы за Госпланом СССР возможность построения проекта единого общесоюзного пятилетнего плана развития народного хозяйства“ (курсив мой А. П.).

Если за истекший период построение единого общехозяйственного плана было

¹ Г. Кржижановский, „Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Госплана“, стр. 25.

основным содержанием плановой работы, нашедшей свое завершение в построении пятилетки, то важнейшей организационной проблемой этого периода была борьба за единство плановой системы, за укрепление аппарата плановых органов работающего на основе единого директивно-методологического руководства. Одновременно шла большая работа по созданию кадров плановой системы, и методов коллективной работы, которые дали бы возможность плановой системе впитать в себя опыт многочисленного коллектива хозяйственников, научных работников и общественных организаций страны. В этой части плановая система имеет существенные достижения, но впереди еще предстоит большая работа.

Мы отметили выше, что вторая часть работы тов. Гордона (гл. V—VIII) страдает неполнотой и не систематична. В частности, тов. Гордон совсем мало уделит внимания работе Госплана над контрольными цифрами и перспективным планом. Этому посвящены буквально немногие строки. Глава VIII „Синтетическая работа системы плановых органов“ пожалуй наиболее бледная из всей книги. Между тем организационные вопросы усугублялись и выпирали именно по мере развертывания синтетических работ. Тов. Гордон совершенно обошел вопросы

связи плановых органов с наукой и научными учреждениями, с кооперацией и общественными организациями — а это тоже характерная для последнего этапа плановых органов задача. Без приводов к этим организациям плановая система не сможет быть вооружена должным образом для своей работы.

Наконец, мы считаем недостатком книги чрезмерную перегруженность всякого рода справками из законодательного материала. Многочисленные ссылки, цитаты, тщательно датированные, свидетельствуют о большой кропотливости и научной добросовестности автора, но они иногда идут за счет экономического анализа и обуславливают трудность изложения. Читателю нелегко выбрать основное и существенное, книга страдает сухостью изложения, трудно воспринимаема, в некоторых местах походит скорее на юридические комментарии к собранию узаконений и распоряжений. Если бы автор не увлекся этой стороной работы, книга значительно была бы четче, проще и доступнее.

Несмотря на эти шероховатости все же книга тов. Гордона заслуживает внимания и найдет читателя, желающего ознакомиться с историей борьбы за план.

А. П.

А. М. Маркевич, „Межселенные машинотракторные станции“. Предисловие Кржижановского. Изд. „Плановое Хоз.“ 5 издание, Москва, 1929 г. стр. 304, ц. 1 руб.

За последнее время внимание нашей партии и всей советской общественности приковано к вопросу коренной реконструкции наиболее отсталой отрасли народного хозяйства, — сельскому хозяйству. Не случайно вопросам сельского хозяйства уделяется такое исключительное внимание на всех наших партийных Съездах, Пленумах, Конференциях.

По существу дела мы стоим сейчас накануне перелома, который открывает огромные перспективы развития социалистических форм сельского хозяйства. Надвигается новая эпоха в строительстве сельского хозяйства, дающая возможность разрешения одной из основных проблем, тесно связанной с построением бесклассового общества, а именно: уничтожение противоречий между городом и деревней. В этой области встречаются и величайшие затруднения. Трудности строительства крупного сельского хозяйства на высокой технической базе, усугубляются тем, что эта отрасль народного хозяйства менее всего изучена и почти не имеют опыта в прошлом.

Работа тов. Маркевича представляет огромную ценность, именно потому, что

она пытается теоретически обобщить опыт организации „крупного механизированного производства из сотен и тысяч единоличных мелких хозяйств“. Выход из противоречивого положения, которое создают современные формы мелкого сельского хозяйства тов. Маркевич видит в создании крупных энергетических машинотракторных станций, где будут сосредоточены и выработка двигательной энергии и усовершенствованные орудия производства и где может быть решен вопрос о преодолении современной интегральной усадьбы.

Основная задача, которая стоит перед машинотракторной станцией — это „необходимость найти те приводные ремни, через которые станция должна привести в движение тысячи окружающих крестьянских хозяйств“.

Говоря о деятельности первой машинотракторной станции тов. Маркевич подчеркивает со всей решительностью необходимость организации не тракторных колонн, а именно машинотракторных станций, исходя из экономии наших технических ресурсов. В доказательство последнего автор дает подробную картину

деятельности совхоза им. Шевченко, обслуживающего в настоящий момент 26 сел с общей площадью в 24 тыс. га. Во всех этих 26 селах земельная площадь обезличена, стерты межи и установлен правильный севооборот. Распределение продукции установлено пропорционально числящимся за крестьянами земельным наделам. По такому же принципу установлено и распределение труда между отдельными дворами. Подчеркивая затруднения в организации машинотракторных станций тов. Маркевич указывает, что „решающими факторами преодоления всех трудностей являются создание выгоды обобществленного механизированного производства плюс огромное культурное воспитательное действие машин“.

Но автор разбирает не только вопросы плановой организационно-технической работы станции, он специально останавливается на социальной проблеме, отмечая трудности, идущие со стороны противодействующего работе станции кулачества, считая, что станция не должна стоять в стороне от классовой борьбы, происходящей в деревне, а должна быть активным организатором бедняцко-средняцкого актива.

Рисуя перед читателем путь машинотракторной станции тов. Маркевич устанавливает то исключительно важное положение, что крестьянин переходит на высшую производственную форму без необходимости немедленной ломки своего быта.

„Не через новый быт к высшей технике, а через высшую технику к новому быту“.

Давая технико-экономический анализ производства машинотракторной станции, тов. Маркевич пользуется в своих расчетах с одной стороны материалами механизированных совхозов, с другой материалами механизированного хозяйства С.-А. С. Ш., корректируя этими данными расчеты по машинотракторной станции. Расчеты эти сделаны в отношении района экстенсивного парового зернового полеводства степной Украины, но тем не менее основные принципы построения МТС могут быть образцом и для других районов, которым применительно к своим условиям придется строить свои конкретные расчеты.

Что же дают детальные расчеты агронома не только теоретика, но и практика, черпающего из своего опытного поля все эти колонки цифр при оптимуме сельскохозяйственного производства в 50 тысяч га пахотной земли, учитывая 20—25% неудобных земель, при охвате всех расположенных вокруг станции сел радиусом 14—15 км, капитальные затраты, оказываются, составляют 30 р. на гектар, а оперативные расходы составляют 9 р. 30 к. на гектар, при чем 47,4% всех оперативных расходов составляют ремонт и амортизация тракторов и сел.-хоз. инвентаря.

Сравнительный анализ основных результатов нового производства с индивидуальным сельским хозяйством показывает повышение урожайности в первый же год существования МТС в 40% по сравнению со средней крестьянской урожайностью. Улучшается также и качество зерновой продукции. Значительно изменяется себестоимость зерновой продукции. Если в условиях крестьянского хозяйства себестоимость центнера зерновой продукции равняется 5 р. 36 к., то в условиях МТС она понижается до 1 р. 86 к. Все приведенные расчеты касаются лишь полеводства в части его зерновой продукции.

Обобщение в первые годы работы МТС полеводства, на основе крупной механизации не дает еще полного эффекта и в дальнейшем неизбежно должны быть включены в процесс обобществления и животноводство и интенсивные отрасли сельского хозяйства. Но и приведенные данные в отношении полеводства являются ярким показателем того переворота, который вносит МТС не только в технику, но и в экономику сельского хозяйства.

В главе об оптимальных размерах сельхоз. производства, автор блестяще показывает всю несостоятельность установок проф. Чайнова по этому вопросу. Тов. Маркевич доказывает путем тщательного анализа, что даже и в пределах взятых им для расчетов размеров станций 5.000—100.000 га нет еще оптимального размера производства, в том смысле как это принято у Чайнова. Оптимальным размером производства в районе зернового хозяйства автор считает площадь 40—50 тыс. га. „Но при всей яркости результативных цифровых данных, решающее значение имеет качественная сторона всего производства“.

Рисуя перспективы развития МТС, тов. Маркевич отмечает, что со стороны крестьянства, т.-е. его бедняцко-средняцких слоев, организация встречает исключительно сочувственное отношение, неизбежно встречая резкое сопротивление со стороны кулацкой его верхушки. Это является лучшим ответом тем скептикам, которые высказывали опасение, что организация эта не сумеет захватить массы крестьянства. Доказательством популярности идеи создания МТС является также и то обстоятельство, что Шевченковская станция теперь не является уже единичным случаем, а имеет своих последователей. Следуя шевченковскому опыту, хлебоцентр развивает аналогичную работу в ЦЧО. „В этом отношении произведенный опыт имеет для нас — как говорит тов. Маркевич — историческое значение“.

Приводя все преимущества организации МТС в смысле наиболее рационального использования наших организационно-технических и финансовых ресурсов

автор отнюдь не противопоставляет эти организации колхозным формам движения. Напротив он говорит, что если бы организация станций ослабила темп развития существующих колхозных форм, то вместо положительных мы достигли бы отрицательных результатов, ибо „перевод всего нашего сельского хозяйства на высшую техническую базу потребует более или менее длительного периода“.

Подробно останавливаясь на производстве МТС тов. Маркевич говорит, что коренной принципиальной разницы между этой формой организации и колхозами нет и что „МТС является высшей производственной формой коллективного строительства“, которая в конце концов должна стать „технической базой ленинского кооперативного плана“.

МТС применяющие сейчас тракторную двигательную энергию, двигатели внутреннего сгорания, должны перейти в дальнейшем на применение электрической двигательной энергии.

Показывая нам первый опыт строительства сел.-хоз. производств на высокой технической базе, придавая очень большое значение организационному вопросу, автор сигнализирует опасность стихийного неорганизованного строительства машинотракторных станций. „Эта опасность имеется по той простой причине, говорит тов. Маркевич, что недостаточно еще осознано отсутствие принципиального отличия между крупным производством в сел. хозяйстве и промышленности“.

Этот организационный момент необходимо особенно подчеркнуть в связи

с тем, что на страницах нашей прессы обсуждается вопрос об организации центра, который мог бы объединить работу МТС. Требуется сугубая четкость в организационных формах, иначе смелое, революционное начинание перестройки сельского хозяйства может пострадать.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на всех вопросах разбираемых автором в связи с организацией машинотракторной станции, как например, на вопросах землеустройства и аграрного перенаселения и др. Отметим лишь, что правильно было указано на страницах „Правды“ что можно и должно внести целый ряд поправок к установкам тов. Маркевича в области технического оборудования МТС, например, относительно мощности применяемых тракторов, целесообразности применения комбайнов, наконец целый ряд поправок в калькуляционные подсчеты себестоимости обработки гектара, но все это ни в какой степени не умаляет значения проделанной громадной работы.

Лучшим образом данную работу характеризует тов. Кржижановский в своем предисловии к ней. „Труд Маркевича,— пишет он,— новый шаг, шаг вперед для конкретного и синтетического охвата всех мероприятий, до сих пор развивавшихся нами в области сельского хозяйства и при том такого охвата, которым завершается диалектический подход к самым трудным вопросам социалистической реконструкции сельского хозяйства“.

М. К.

К. Розенталь. „В защиту индустриализации СССР“. Изд. „Моск. Рабочий“ 1928, стр. 135, ц. 35 к.

Сама необходимость писать на такую тему в 1928 г. может показаться странной. Не лучше ли писать как проводить индустриализацию, чем доказывать необходимость индустриализации. Задача пропагандирования идей индустриализации не только не отпала, но становится все более настоятельной. Брошюра тов. Розенталя и служит хорошо этой задаче, давая ясно и популярно изложенную сводку взглядов в защиту индустриализации. Рецензируемая книжка правильно знакомит средний актив с нашей политикой индустриализации, удачно вскрывая как правые, так и „левые“ ошибки. Тов. Розенталь ставит вопрос на правильные теоретико-экономические рельсы, рассматривая проблемы индустриализации на фоне анализа зависимости между производством и потреблением, производством средств производства и производством средств потребления, между промышленностью и сельским хозяйством. В этом смысле его

„промышленная“ концепция является народнохозяйственной.

Автор приводит следующую цепь аргументаций. Капитализму присущ закон перепроизводства. Расширять платежеспособный спрос, увеличивая зарплату, для него так же невозможно, как невозможно ему поднимать самого себя за уши. Ведь непосредственным стимулом для капиталистического производства служит не удовлетворение потребностей, а мотив прибыли.

У нас же основной закон воспроизводства трансформируется. Подобно тому как капиталистическая индустриализация не разгружает от перепроизводства предметов личного потребителя, так и социалистическая индустриализация не является основной и, во всяком случае, единственной причиной товарного голода. Наш спрос становится более массовым и квалифицированным. Потребление и потребности растут с невероятной быстротой.

Направить основные ресурсы на удовлетворение потребностей, на легкую индустрию, значило бы лишить себя возможности расширенного воспроизводства, потребления. Начав с крестьянского конца, мы все равно почувствовали бы лимит, узкое место в состоянии тяжелой индустрии. На данном этапе борьбы за урожайность смычка не может ограничиваться „ситцевым характером“. Само развитие группы Б без группы А невозможно (длительно, скажем от себя).

Тов. Розенталь совершенно правильно указывает, что ликвидировать структурные аномалии нашей экономики методом равномерного развития для нас невозможно. Также верно и указание на вулгаризацию балансового метода, за которым скрывается „равнение направо“ по минимуму, по узким местам. Надо отметить, что роль баланса, как средства вскрыть степень пропорциональности в нашей экономике, измерить закон цепной связи совершенно не утрачивает своей роли при политике ведущего звена, проводимой в отличие от идеи равновесия, *an und für sich*, прикрывающей неправильные экономические и политические взгляды. Баланс должен составляться для каждого уровня развития; баланс должен иначе выглядеть на каждой фазе движения народного хозяйства.

Народнохозяйственный подход должен сказаться в расшифровке понятия оптимального сочетания развития промышленности и сельского хозяйства. Методами этой расшифровки должны служить анализ соотношения товарных масс уровней цен, проблемы аграрного перенаселения и безработицы, сырьевых ресурсов страны. Этой стороне дела тов. Розенталь уделяет мало внимания.

Вторым, более существенным дефектом является недостаточно определенная трактовка ведущего начала. Тов. Розенталь подчеркивает все время два звена: металл, химию. Но единое и основное ведущее звено, синтетически объединяющее все народнохозяйственные рычаги — это электрификация. Автор несколько раз, правда, упоминает об электрификации, но делает это вскользь, бегло, без придания энергетической проблеме того огромного технического, экономического и социально-организационного значения, которое справедливо придается ей, в особенности Госпланом. Получается такое представление, что металл (и химия) являются предварительными предпосылками электрификации, реконструкции. Это верно в общей форме, поскольку каждая новая хозяйственная фаза должна иметь определенную среду вокруг себя. Но сама электри-

фикация создает эту среду в значительной мере и помогает опустить целый ряд этапов развития, ставя народное хозяйство сразу на более высокую основу.

Наша индустриализация должна носить с технической стороны такой же преимущественный характер, какой она носит со стороны социальной. Вопрос об электрификации не занимает того органического места в его расчетах, как металл. Проблема темпа самым тесным образом связана с этой проблемой. К ней же примыкает и проблема благосостояния и товарного голода. Все подсчеты баланса труда и баланса спроса и предложения показывают, что вопрос о занятости избыточной рабочей силы не может быть решен просто индустриализацией, а такой лишь индустриализацией, которая резко увеличивая производительность народного труда и вовлекая новые контингенты в производственный процесс, вместе с тем увеличила бы массу производимой продукции. А это и есть путь „поднятия тяжелой промышленности на базе электрификации, энергетического перевооружения“. (Кржижановский).

У нас накопление составляет в народном доходе около 22¹/₀, т.-е. оно выше чем в любой капиталистической стране. Основываясь на преимуществах новой социальной, плановой системы, мы растем быстрее передовых стран капитализма в 2¹/₂ раза. Этому благоприятствует то, что мы поднимаемся с низкого уровня, но не с низкого уровня „китайского“, с которого как раз трудно быстро подниматься в виду отсутствия организационных условий, при отсутствии более или менее развитой промышленности. Мы быстро двигаемся от низкого уровня, в котором уже начат процесс механизации народнохозяйственного труда. Сохранить надолго этот темп, перебивая задачи удовлетворения потребительского спроса можно лишь при привлечении внимания широких масс к энергетической стороне дела.

Попутно надо отметить некоторую неточность, или оговорку, называющую СССР страной „преимущественно аграрной“. При оценке Октябрьской революции как пролетарской и при формулировке тов. Сталиным задачи превращения СССР в страну промышленно-аграрную — наша экономика все время квалифицируется как аграрно-промышленная.

При этих замечаниях работа тов. Розенталя очень толково выполняет цель углубленной пропаганды индустриализации. Мы все еще не умеем выпускать такие брошюры в большом числе экземпляров.

М. Персиц.

Бюджеты горно-заводского населения Урала в 1926/27 г. Уральское областное статистич. управление. Серия III. Вып. 6. изд. Уралстатуправления. Свердловск. 1928 г. Цена 1 р. 50 к. Стр. 117 + XV.

Развитие советской статистики труда имеет на своем пути одно препятствие, малое проявление местной инициативы, направленной к исследованию местных же проблем. Этот дефект нельзя отнести целиком за счет недостаточной активности или малой подготовленности местных статистических сил. Местные староганы бывают обычно загружены и перегружены плановыми заданиями центра, не предусматривающими никаких специальных местных исследований и никаких на это дело ассигнований. В этом деле, можно сказать, дает себя знать обратная сторона той крайней централизованной статистического аппарата и статистической деятельности нашей государственной статистики. С тем большим интересом и вниманием приходится встречать всякое исследование, освещающее какую-либо наболевшую местную проблему. Рецензируемая книга и является одной из таких работ. Она освещает специфическую проблему Уральской области — вопрос о собственном производительном хозяйстве горнозаводского населения, особенно рабочей его части.

Здесь уместно напомнить в самых общих чертах сущность проблемы.

Уральские заводы, как известно, имеют большую историю. Горная промышленность Урала вся выросла на крепостном труде посессионных рабочих. Местное население горнозаводского Урала это — потомки тех, которые в свое время, в качестве крепостных крестьян селились вокруг возникших заводов. Вся рабочая политика владельцев посессий была направлена к тому, чтобы иметь в постоянном резерве достаточный запас рабочей силы с минимальным расходом на его содержание.

Отсюда наделение посессионных рабочих земельным наделом (покос, огород, усадьба и иногда даже пашня), достаточным для полуголодного существования. Заводчик убивал таким образом сразу двух зайцев: он закреплял за собою максимальное количество живой рабочей силы людей, беря на себя ее оплату лишь в той мере, в какой она привлекалась для работы на заводе. Вместе с этим он всей своей земельной политикой поощрял ведение лишь такого хозяйства, которое стимулировало тягу на завод и делало связь с заводом крепче, чем простой договор найма. Уральский заводчик использовал не только живую силу своего рабочего, но также и его скот — лошадей, разведению которого он содействовал, предоставляя рабочему покос и лишая его пашни. По меньшей мере двухсотлетняя история уральских рабочих не могла

не положить своего отпечатка и на их современный быт, как, впрочем, и на уклад жизни всего населения горнозаводского Урала. Задача — вскрыть все своеобразие этого быта и посвящена рецензируемая работа. Надо считать, что форма, в какой сделана эта попытка, весьма удачна. Именно массовое бюджетное обследование, охватывающее производство и потребление населения горнозаводского Урала, способно дать достаточно полную и всестороннюю характеристику изучаемого вопроса.

В какой же мере рецензируемая работа удовлетворяет поставленной задаче? Вся работа разбивается на три далеко не равноценных по своему значению части. Общее методологическое введение, составленное автором работы, тов. Д. Л. Майзельсом, как и пояснения к таблицам, в краткой и сжатой форме знакомят нас с принципами и методами обследования и разработки собранного статистического материала. Вторая часть работы публикует основные показатели о производстве и потреблении каждого из 419 обследованных хозяйств. Наконец, в третьей части даны сводки статистической разработки всего собранного материала. Таким образом рецензируемое издание дает по существу материалы к изучаемой проблеме, а не самое ее рассмотрение. В этом и сильная и слабая сторона работы. Сильная потому, что дает возможность продолжать исследование, используя всю ту массу данных, которые приводятся в публикациях индивидуальных бюджетов; слабая потому, что эти публикации не охватывают всего того огромного материала, который собрали организаторы обследования. В публикациях индивидуальных бюджетов, например, отсутствуют имеющиеся по половине обследованных бюджетов данные о затратах времени на ведение хозяйства; отсутствуют также данные о натуральном составе потребления. Не приходится, конечно, доказывать, насколько ограничивает возможности исследования отсутствие этих кардинальнейших сведений. Указанный недостаток, впрочем, только лишней раз подчеркивает достоинства имеющихся в рецензируемой работе публикаций. То громадное количество данных, которые в них приведены о каждом из обследованных хозяйств, дают исследователю, хотя и ограниченное, но достаточно большое поле для суждения не только о специфических проблемах Урала, но и о вопросах, выходящих далеко за пределы этих местных проблем. Надо принять во внимание, что основную массу обследованных хозяйств составляют рабочие семьи, связанные всеми своими нитями с заводом. И по-

скольку указанные публикации индивидуальных бюджетов охватывают всякое проявление хозяйственной деятельности такой семьи, поскольку они говорят о составе семьи, об имеющихся в ее распоряжении материальных ресурсах (в частности, о средствах производства), поскольку, далее, они достаточно полно характеризуют результаты ее деятельности как в пределах своего хозяйства, так и вне его (преимущественно на заводе), постольку они дают возможность, минуя специфические проблемы Урала, поставить вопрос вообще о причинах связанности фабричного и заводского рабочего с собственным сельским хозяйством и о путях ликвидации этой связи. В этом отношении рецензируемая работа дает громадной ценности материал, еще ждущий своего пользователя.

Третья часть публикаций дает, как уже указывалось, ряд статистических сводок (собственно сводки, результаты исчисления средних, комбинационные таблицы) всего материала исследования, включая в значительной мере и ту часть — о бюджете времени, которая не приведена в индивидуальных бюджетах. Все эти сводки (исключая комбинационные) даны в разрезе социального состава горнозаводского населения: выделены группы рабочих, имеющих и не имеющих собственного хозяйства, выделены крестьяне, выделена типичная для горнозаводского Урала группа возчиков и, наконец, группа „прочих“ хозяйств — преимущественно ремесленников кустарей. Такая система разработки, помимо того, что она знакомит нас с бюджетами всех этих групп населения горнозаводского Урала, оттеняет специфические черты хозяйства основной части этого населения — рабочих.

Все названные группы населения в той или иной мере связаны, с одной стороны, с заводом, с другой — с собственным производительным хозяйством. Даже рабочие, собственное хозяйство которых не удовлетворяет установленному обследованию цензу (наличие одного из следующих 4 признаков: пашни, покоса, коровы, лошади), имеют часто свое производительное хозяйство, выходящее, впрочем, за пределы обычного домашнего хозяйства для собственного потребления. С другой стороны, и крестьянские хозяйства связаны с заводом, ибо продают туда рабочую силу своих членов, либо их рабочую силу вместе с живым и мертвым инвентарем (извоз). В первой из названных групп основная подавляющая масса средств существования добывается путем продажи рабочей силы на завод, во второй — сельским хозяйством.

Между этими двумя полюсами стоят остальные социальные группы. Наиболее интересной из них являются рабочие, имеющие хозяйство, установленного обследования цензу.

В чем же заключается в настоящее время собственное хозяйство рабочих Урала?

Материалы рецензируемого исследования дают обстоятельный ответ на этот вопрос. В центре собственного производительного хозяйства уральских рабочих стоит молочное хозяйство, с одной стороны, и приусадебное хозяйство — с другой. Карликовый огород и корова встречаются почти во всех обследованных хозяйствах этой группы. И если бы собственное хозяйство уральских рабочих ограничивалось только этими часто встречающимися элементами расширенного пролетарского домашнего хозяйства, то по существу не было бы и никакой проблемы. Для уральских рабочих, однако, типично не то, что составляет основу и цель их хозяйствования, а тот антураж, которым это хозяйство обставлено. Наличие у громадного большинства (83,4%) рабочих земельного надела делает музыку всей проблемы. При ближайшем рассмотрении оказывается, что в большинстве случаев этот надел составляется из одного покоса (60,5% хозяйств имеющих надел). Далее материал сводок совершенно недвусмысленно показывает, что даже в той части, в какой имеется полевой посев, он используется преимущественно для производства зерновых кормов для скота. Наконец, наличие в большинстве (64,5%) хозяйств лошади довершает картину собственного хозяйства уральских рабочих. Это не полноценное крестьянское хозяйство, но и не обычное пролетарское домашнее хозяйство.

Как видно из этого элементарного описания и в еще большей мере — из приводимых в рецензируемых бюджетах данных о товарности продукции и натуральности потребления, основная цель этого хозяйства — производство для собственных нужд. К сожалению, материалы „Бюджетов“ не освещают с достаточной степенью полноты вопрос о рентабельности этого хозяйствования. Но кой-какие и весьма интересные данные все же имеются и в этой части: условно-чистый доход, от собственного производительного хозяйства оплачивает труд, затраченный членами рабочей семьи в среднем в 7,2 коп. в час, т. е., примерно, по цене сровного с.-х. найма. Однако, эта средняя удовлетворительная норма оплаты скрывает самые различные варианты последней. Во-первых, исследование отмечает наличие некоторой части (8,7%) абсолютно убыточных хозяйств, т. е. таких, в которых материальные издержки, кроме вложенного в хозяйство труда его членов, превышают размеры валовой продукции. Далее, как показывает специальная приведенная в „Бюджетах“ комбинационная группировка, значительная часть хозяйств с валовой продукцией ниже 400 рубл. (а таких хозяйств около половины) оплачи-

вают в среднем час затраченной рабочей силы по цене много меньшей, нежели рыночная. Подобного рода хозяйства могут держаться лишь избытком рабочей силы, не находящей себе применения на рынке труда. Эта мысль, впрочем, не находит прямого подтверждения в опубликованных сводках. Ее доказательство

требует еще специального исследования. Надо полагать, что в виду исключительного интереса проблемы, это исследование не заставит себя долго ждать. „Бюджеты“ дают для этого достаточный материал.

В. Львов.

„Водное хозяйство“. Сборник статей под редакц. проф. Е. Л. Кенига изд. „Плановое хозяйство“, М. Госплан СССР. 1929 г. Цена 2 р. 75 к.

Кроме „Вестника ирригации“, издаваемого в Ташкенте и отражающего только часть вопросов водного хозяйства, в нашей печати нет места, где бы дискутировались серьезные вопросы водного хозяйства; Известия же научно-исследовательских институтов в этой области посвящены исключительно результатам их собственных работ. Появление рецензируемого сборника статей составляет целое событие на фоне нашей скудной „водной“ периодики.

Вступительная статья проф. Е. Л. Кенига еще раз подчеркивает значение водного хозяйства в народном хозяйстве СССР и определяет отрасли, входящие в его состав: 1) создание необходимых условий для санитарно-хозяйственного использования вод; 2) водно-земельные мелиорации, 3) обеспечение нужд водного транспорта, 4) использование водных сил, 5) обеспечение потребностей в отношении использования полезного содержимого вод.

Анализируя значение каждой из них, автор указывает на тесную связь между собой всех этих отраслей и на ошибки, приходящие при разрешении какого-либо одного вопроса без общей гидрологической технической и финансово-экономической связи с другими отраслями Водного Хозяйства.

Отсутствие в настоящее время разрешения организационной проблемы крайне неблагоприятно отзываясь на технических и экономическо-финансовых мероприятиях в области водного хозяйства и поэтому этим вопросам на ряду с целым рядом конкретных и реальных предложений автора надо заняться совершенно безотлагательно.

Мы присоединяемся полностью к предложениям Е. Л. Кенига и скажем, что они намечают для следующих выпусков „Водного Хозяйства“ ряд животрепещущих тем, которые он не смог детально осветить в своей руководящей статье.

Остальные статьи сборника лишены раз подчеркивают идею водного хозяйства, освещая отдельные ее отрасли, намечаемые Е. Л. Кенигом: водная энергия, комплекс Нижнего Днепра, Волга, Дон, Ирригационное строительство, водно-земельные мелиорации и т. д.

В то же время некоторые из них, представляя собой статьи руководящего характера, лишены раз подчеркивают отсутствие хозяина в водном хозяйстве. Так, например, В. В. Гаврилов хорошо осветил водно-энергетические запасы европейской части СССР, а по части Средней Азии, Сибири, Кавказа, едва ли кто-либо сможет это сделать в той же степени приближения. Происходит это от того, что, например, Управление водным хозяйством Средней Азии занимается только ирригационными вопросами и, не имея на это заданий, иногда только попутно принимает на себя разрешение того или иного вопроса в области использования гидроэнергии.

Тема, освещенная А. В. Чаплыгиным о самокупаемости ирригации, по своему значению вполне заслуживает предоставления в следующих книгах не менее 3—4 листов или даже выпуска отдельной брошюры. Материал по этому вопросу на местах имеется большой и требуется широкое его освещение.

Проблема использования Нижнего Днепра, освещенная Г. А. Черниловым, предусматривает затраты из общей стоимости в 82,75 млн. руб. почти в равной доле на судоходную часть, энергетическую часть и мелиорацию.

Дальнейшая проработка этого вопроса поставит нас перед необходимостью приступить уже к строительным работам, так как полный народнохозяйственный доход всего предприятия определяется в 23,5 млн. руб., а при ее дальнейшем развитии 30—35 млн. руб.

Волго-Балтийский водный путь, соединяющий Астрахань и Ленинград, должен получить определенное место в плане нашего народного хозяйства, так как продолжением технико-экономической работа, как ее описывает П. В. Цейдлер, уже дает чрезвычайно ценный материал, дающий возможность оценить его громадное экономическое влияние на развитие всего нашего народного хозяйства.

Статья Д. А. Волжина „Основные народнохозяйственные проблемы ирригационного строительства в хлопковых районах“, по видимому, если судить по примечанию к ней, даже несколько смутила и редакцию „Водного Хозяйства“. Это и понятно;

именно эта статья вызовет большую дискуссию, так как до сих пор все наши прогнозы в области хлопководства были чрезвычайно неудачны. Первая треть этой статьи посвящена обзору, главным образом, американского хлопководства и содержит большой фактический материал, позволяющий автору установить некоторые недочеты прогноза тов. Сокольников в 1926/27 г., полагавшего, что понижение стоимости американского хлопка, является звеном общего процесса снижения мировых цен довоенному уровню. Установив зависимость между ценами хлопка, автор указывает, что нормальное соотношение цен, вызвавшее повышение стоимости хлопка, естественно должно было восстановиться. У нас произошел новый поворот на расширение отечественного хлопководства, от которого мы ошибочно отказались и благодаря этому потеряли темп ирригационного строительства. Излишне доказывать, что развитие советского хлопка имеет для нас огромное значение еще и в смысле освобождения от иностранной зависимости. Некоторые из выводов Волжина могут вызвать возражения главным образом из-за краткости изложения. Турк.-Сиб. ж. д., конечно, окажет существенное влияние на развитие хлопководства в Средней Азии, дав возможность некоторого вытеснения рисовых и зерновых культур, но, как указы-

вает Волжин, освобожденные площади, будучи связаны с водным режимом, могут быть использованы под хлопок и только при соответственной реконструкции ирригационных систем.

Обзорные статьи В. С. Ильина, М. М. Потапова, А. С. Пампулова, М. Я. Власова, А. Н. Ахутина, П. В. Цейдлера по вопросам водных мелиораций, водных сил и водных путей сообщения (без Средней Азии) интересны и показывают только лишний раз, что при правильной постановке организационного вопроса в области водного хозяйства можно было бы достигнуть более четких результатов.

В общем, „Водное хозяйство“ надо признать интересным вкладом в нашу литературу и необходимо продолжать периодический выпуск статей, освещающих водное хозяйство, как отдельную отрасль народного хозяйства.

Необходимо вовлечь в эту работу и наши ВУЗы, которые, к сожалению, не всегда отчетливо выявляют у себя в учебных планах и программах значение водного хозяйства и поставить вопрос о правильной подготовке наших специалистов с точки зрения комплексного значения водного хозяйства. Будет хозяин в водном хозяйстве, будет необходимая увязка всех вопросов, содействующая правильному развитию его.

Б. Шлегель.

Б. Л. Шифринсон. „Теплофикация городов“. Под ред. проф. Н. А. Артемьева, с пред. Ж. Л. Танер-Таненбаума, изд. НКВД, 1929 г. 75 стр., ц. 1 р. 50 к.

Несмотря на небольшой объем книги и сжатость изложения, она несколько восполняет крайнюю бедность нашей литературы и нашей технической практики по данному вопросу. Вопрос о теплофикации наших городов становится актуальной проблемой и стал уже темой довольно широкой дискуссии. До некоторой степени решение этого вопроса требуется немедленное, так как это определяет план и характер нового энергетического строительства, напр., пункты создания новых электростанций в крупных городах, род топлива, типы котлов и турбин и проч.

Помимо чисто экономического значения, централизованное снабжение теплом потребителей должно иметь и известное социально-бытовое значение как один из способов, так сказать, „технического обществования“ городской жизни и быта.

Экономическая роль теплофикации состоит, главным образом, в комбинировании производства электроэнергии с централизованным теплоснабжением (для целей домашнего отопления, бань, прачечных, больниц и т. п.). Работа тепловых двигателей, производящих энергию, связана всегда с потерей значительной части

этой энергии в тепловой форме; кроме того, так как во всех таких двигателях рабочий процесс связан с преобразованием работающего вещества в газообразную форму, то неизбежны значительные потери энергии, принимающие форму „скрытой“ внутренней энергии отработавшего газа или пара. Особенно велик этот род потерь в паровых двигателях, где отработавший пар уносит с собою из турбины или машины колоссальные количества энергии в форме „теплоты испарения“. Если в двигателях внутреннего сгорания коэффициент использования энергии топлива достигает 35% (для дизелей), то на лучших паро-турбинных установках он обычно не выше 15—20%, в исключительных случаях до 25%, при работе на паре очень высокого давления. Потерянная энергия „мятого“ пара возвращается при его конденсации, принимая форму тепла обычно уносимого без всякой пользы вместе с охлаждающей водой. Регенерация этой „теплоты испарения“ (отчасти и использование других тепловых потерь) и есть главный метод теплофикации, позволяющий значительно повысить общий коэффициент использования топлива на

теплосиловой установке. Тот же характер имеет и комбинированное получение энергии и пара для технологических заводских целей, где электроэнергия является как бы отбросом производства.

Практическое осуществление теплофикации наталкивается на ряд затруднений, из коих важнейшие: необходимость сооружения теплопроводной сети, что требует значительных капитальных затрат; некоторое ухудшение чисто энергетического режима станции, хотя и щедро компенсированное значительным использованием отбросового тепла; неравномерность потребления тепла по сезонам, дням и часам, при чем график спроса на тепло может находиться в самых причудливых соотношениях с графиком потребления электрической энергии.

Книга Б. Л. Шифринсона трактует все эти вопросы энергетического и теплового режима таких центральных, ссылаясь на примеры из практики С.-А.С.Ш. и Германии и освещая техническую и экономическую стороны их эксплуатации. На ряде примеров автор показывает, что теплофикация во многих случаях дала экономическую возможность дальнейшей рентабельной эксплуатации технически устаревших („морально“ изношенных) электростанций, обреченных вне этого на

ликвидацию задолго до их реального физического износа. Впрочем, автор приводит доводы и примеры и в пользу того, что часто и теплофикация сама по себе, вне комбинирования с производством электроэнергии, сводящаяся следовательно к централизованному питанию острым паром, может быть и экономичнее, и гигиеничнее индивидуального отопления.

Интересны указания на „кустование“ теплоцентралей в американских городах, напоминающее кольцевание электроэнергии и подобно ему дающее некоторое выравнивание нагрузки и экономию в топливе.

Написана книга простым языком и снабжена большим числом графиков и рисунков. Книгу надо признать бесспорно полезной. Однако, вопреки мнению Ж. Л. Танер-Таненбаума (в предисловии), книга почти не дает материала для конкретного решения вопроса о своевременности и экономической целесообразности теплофикации наших крупных городов, в частности Москвы, если не ограничиваться „априорными“ доводами в пользу теплофикации Москвы, как крупного и промышленного центра, питающегося до-рогим топливом поневоле.

А. С-ль

„Советское строительство“ Ежемесячный политико-экономический журнал №№ 1—12 за 1928 год. Издание Госплана БССР. Минск.

На страницах нашего журнала уже отмечалось, что „Советское Строительство“ главное внимание фиксирует на хозяйственных проблемах своего района—Белорусской Социалистической Советской Республики, и что в этом заключается его главное достоинство.¹ Другой положительной чертой журнала следует признать то, что благодаря хорошему подбору материала ему на протяжении года вновь удалось всесторонне осветить хозяйственное и культурное положение БССР.

Если бы попытаться все изобилие материала, помещенного в журнале, свести к некоторым группам, то грубо это можно было бы сделать так. Центральной группой пришлось бы признать темы, освещающие специфические элементы белорусского хозяйства. Сюда следует отнести: мелиоративные вопросы, вопросы лесного хозяйства со всем разнообразием видов деятельности, вытекающей из этой отрасли, вопросы торфяного хозяйства, вопросы мелкой промышленности, особо развитой в БССР благодаря распространению местечкового расположению населения, местечки, как самостоятельная экономическая проблема, наконец, вопро-

сы экспорта, значение которого в БССР особо важно, благодаря непосредственной близости Польши и Латвии. Следующей не менее важной группой пришлось бы признать темы, затрагивающие культурное строительство БССР. Их значение в Белоруссии особо увеличивается благодаря сожительству нескольких национальностей на сравнительно небольшой территории, с одной стороны, и непосредственной близости этих же национальностей за рубежом,—с другой.

По всей этой линии тем целый ряд авторов бесспорно правильно ставят задачи перед хозяйством БССР и также правильно намечают их разрешение.

На фоне этого узко-местного материала журнал дает ряд статей общезкономического характера, в которых затрагивается или вообще экономическое положение БССР, или хозяйство республики в связи с построением пятилетнего плана. Не останавливаясь на содержании последних— оно в целом вполне правильно отражает и нашу общую хозяйственную политику и в данном случае политику БССР— отметим только отдельные моменты в этом материале, которые, как нам кажется, недостаточно верны.

Тов. М. Карклин в статье „Основные установки развития народного хозяйства

и культуры БССР за пятилетие“ (№ 8—9 журнала) считает возможным выставить лозунг усиленного темпа развития промышленного строительства БССР на основе местной и завозной сырьевой базы. Другой автор тов. С. Карп в статье „Об уточнении 5-летнего плана промышленности“ (№ 10) говорит о твердой целевой установке на индустриализацию и усилении ведущей роли промышленности в БССР.

Ставка на завозное сырье имеет в основе попытку развивать в данной республике все или почти все отрасли промышленности, не считаясь с наиболее рациональным распределением промышленности по Союзу СССР. Индустриализация СССР в данный период— это не значит, что все районы одновременно и пропорционально усиливают и обзаводятся по возможности всеми видами промышленности. Последнюю следует мыслить несомненно только как такое распределение труда в СССР, которое при усилении индустриального труда в общем балансе последнего в то же время давало бы максимум экономических эффектов. А это возможно только в том случае, когда каждый отдельный район Союза оптимально выявит свое хозяйственное своеобразие. Так именно и понимал дело Совнарком Союза, когда по докладу председателя СНК БССР тов. Голодеда постановлял: „Поручить ВСНХ СССР и СНК Белорусской ССР наметить конкретные меры по усилению роли промышленности в народном хозяйстве БССР, главным образом тех отраслей, которые базируются на местном сельско-хозяйственном, минеральном и лесном сырье“. Совнарком Союза в полной мере учитывал все моменты хозяйственного положения БССР, в частности и то, что 80 с лишним процентов населения БССР, занято с.-х. трудом и что в промышленности— только около 30%.

Совершенно неверной представляется трактовка задач плановых органов в статье тов. Балабанова П. „Новый этап плановой работы“ (№ 8—9). Автор пишет, что задачей последних (плановых органов) является научное предвидение экономических событий и явлений на основе изучения конъюнктуры народного хозяйства изо-дня в день, из года в год, ана-

лиза статистических и динамических коэффициентов его развития и т. д. По существу Балабанов повторяет буржуазные взгляды господина Кондратьева на вопросы планирования. Станным представляется, почему редакция журнала солидаризуется с автором, когда в других статьях этого журнала о вопросах планирования придается значение и элементу целевых установок. Здесь налицо в лучшем случае неувязка в редакционной работе.

Несмотря на три года своего существования, журналом как будто все еще не найдены свои рамки. Это видно из того, что наряду с очень краткими статьями практического и теоретического значения, помещаются относительно огромные статьи малб интересного содержания. Сюда, например, можно отнести статью тов. Греичко „Уравнительный сбор в 1927/28 г.“ размером в 28 страниц. Нужно заметить, что даже специальный общесоюзный орган по финансам никогда так много не уделял внимания уравнительному сбору. Затем, совершенно непозволительной роскошью следует признать такую разностороннюю разработку, в сущности говоря, одного и того же налогового статистического материала. А именно, рядом с только что отмеченной статьей по уравнительному сбору журнал дает еще статью тов. Загачина „Сокращение частноторговой сети г. Минска и основные причины этого“ (№ 11) и статью тт. А. Милесидского и В. Рогинского „Динамика и структура товароборота БССР“ (№ 10). Без ущерба для дела все эти три статьи можно было бы объединить в одной общей теме.

Размер журнала (около 15 листов) заставляет отнести его к категории „толстых“. Цена за отдельный номер в 1 рубль и 1 р. 50 к. за двойной. В то же время, если принять во внимание, что средний тираж его 600 экземпляров, приходится заключить, что издание это достаточно убыточно. Думается, поскольку Госплан БССР этот убыток уже несет, в интересах культуры и хозяйства республики представлялось бы правильным этот журнал глубже двинуть в толщу народных масс, соответствующим образом реорганизовав его.

А. Неусытин

„Северное хозяйство“— журнал Архангельского губисполкома и кооперации. №№ 1—12 за 1928 г.

„Северное Хозяйство“ уже шестой год освещает вопросы нашей северной экономики и заслуживает большого внимания, особенно в связи с предстоящим оформлением Северо-Восточной Области. Хозяйство севера отличается большим своеобразием. Северо-Восточная Область

имеющая плотность населения 3,2 человека на 1 кв. километр, характеризуется значительным развитием животноводства, занимающего по продукции в довоенном исчислении 15,5%, растениеводства— 38,2%, и лесоводства— 17% всей продукции народного хозяйства. Являясь основ-

¹ См. „Плановое хозяйство“ № 5 за 1928 г.

ной экспортной базой, северный район в то же время имеет громадное значение для удовлетворения потребностей в лесе нашего внутреннего рынка. Рецензируемый журнал вполне учел это своеобразие северной экономики и ее роль в экономике союзной. Остановившись на общих вопросах лесного хозяйства и перспективах его развития, журнал пытается дать ряд углубленных обследований из области рационализации лесного хозяйства и промышленности, связанной с лесным сырьем.

И. Анофриев в ст. „Леса севера и их роль на международном рынке и в СССР“ (№№ 10—12) отмечает, что еще в довоенное время, экспорт русского леса шел, главным образом, в Англию, Германию и Францию. Экспортной базой по преимуществу являлся и является Северо-Восточный район, обладающий 27% лесной площади европейской части РСФСР (с Уралом) или 78,2 мил. га.

Это обстоятельство ставит леса северо-востока в центр внимания, не только местных органов, но и общегосударственных. Автор правильно отмечает, что наряду с проведением жел.-дор. линий и под'ездных путей, которые могут угроить размер пользовательного лесосечного фонда, необходимо заняться правильным целесообразным лесопользованием и сохранением ценных пород (сосна). На ряду с этим должны быть произведены крупные качественные сдвиги в нашем лесном хозяйстве севера. Это уже выдвигает в перспективном плане задачу выработки целлюлозы и ее экспорта и требует усиления работы по лесопилению, деревообделочному, бумажному и лесохимическому производству, т.е. усиления таких производств, которые давали бы возможность использовать труд внутри страны с максимальной выгодой. Интересная статья И. Анофриева хотя и дала широкую постановку одного из важнейших в Северо-Восточной Области вопросов, все же недостаточно затронула те реконструктивные последствия, которые должны произойти в связи с этим в народном хозяйстве области. Автору следовало бы остановиться на вопросах труда, на вопросах лесных промыслов и на сдвигах в сельском хозяйстве.

Большой интерес представляет статья А. Ларионова „Первые итоги работы лесопильного завода № 8“ (№№ 8—9), дающая характерные штрихи эффективности капитальных вложений. Завод № 8, полностью переоборудованный в начале 1928 года, стал давать такие качественные показатели производства, которые заслуживают большого внимания. Его работа показывает, какого эффекта могут ждать наши лесопильные заводы после переоборудования. Автор констатирует, что „производительность переоборудованного завода за первые 3 месяца работы за счет технических

факторов повысилась в 1½ раза и за счет уплотнения рабочего времени на 30,7%“. В то время, как на 1 выработанный стандарт в 1925/26 году тратилось 8,54 человеко-дней и в 1926/27 году — 8,35, за три месяца после переоборудования завода на 1 стандарт затрачено 5,6 человеко-дней, т.е. на 35% меньше по сравнению с предыдущими годами. Автор, к сожалению, не мог до конца осветить проблему эффективности вложений, т.к. не имел возможности проследить внимательно снижение себестоимости. Однако, общие данные говорят, что стоимость стандарта после переоборудования выразилась в 110 руб. против 120 в 1926/27 году.

В Северо-Восточной Области большое значение имеет кустарная промышленность. И совершенно прав Ив. Иванов (ст. „О забытом хозяйственном участке“ № 8—9), когда отмечает индифферентное отношение хозяйственных и планирующих органов к кустарной промышленности. Развитие кустарной промышленности и ее охват куст.-пром. кооперацией способствует изжитию товарного голода, способствует созданию квалифицированной рабочей силы и росту индустриализации края.

На ряду с этими вопросами, журнал уделил достаточное внимание промыслам и проблемам, связанным с ним, а также ряду вопросов, связанных с местным хозяйством. Гораздо хуже дело обстоит с транспортом, земледелием, финансами и торговлей. Хотя в отделе „Хроника“ эти вопросы освещаются в сжатых информациях, однако, постановки острых проблем эти информации не дают.

В условиях Северо-Востока, доминирующее значение имеет транспортная проблема. Сократить расстояние от места производства до места потребления не только для продукции лесного хозяйства, но и для продукции земледелия — это одна из важнейших задач. Журнал не достаточно останавливается на этом, хотя его положение обязывает быть выразителем интересов области. Журнал не использует возможности печатного периодического органа, который издается в будущем областном городе и теряет значительную долю организационных нитей, которые начали бы связывать область. В пределах Северо-Восточной Области по перспективному плану предполагается построить 1657 километров железных дорог и провести Лаче-Кубенский канал. Канал, а также дороги Котлас-Сорока, Усть-Сысольск-Котлас и Галич-Котлас должны произвести крупнейшие сдвиги в народном хозяйстве Северо-Восточного Края.

Этому вопросу посвящена лишь одна полемическая статья С. Н. Пругавина „Железные дороги Обь-Беломорская и Обь-Котлас-Сорока“ (№ 6), заслуживающая серьезного внимания. Полемизируя

с В. М. Воблым, изложившим свою точку зрения в „Известиях“ (№№ 1, 6, 21 и 25) и с А. А. Борисовым (№№ 59, 65 и 74), защищавшим, как и В. М. Воблым, необходимость постройки дороги Обь-Котлас-Сорока, С. Н. Пругавин приходит к выводу о большей экономической целесообразности постройки Обь-Беломорской дороги вместо проектируемой Обь-Котлас-Сорока.

Уделяя большое внимание лесному хозяйству, промышленности на лесном сырье и промыслам, журнал очень мало останавливается на земледелии, которое дает не более, не менее, как 54% в довоенной оценке всей продукции народного хозяйства Области. Проблемы животноводства и его интенсификации, кормовая проблема, льноводство проблемы урожайности остались вне поля зрения рецензируемого журнала. Не затронуты также вопросы социально-культурного строительства. В следующих номерах следовало бы заняться освещением этих вопросов и проблем, связанных с ними. Это тем более нужно сделать за счет формы изложения и громоздкости многих статей. Нельзя, например, не отметить, что ст. А. П. Орлова „Рабочая жилищно-строительная кооперация в Архангельске“

(№ 8—9), трактующая на 15 страницах о жилищной кооперации, насчитывающей 8 кооперативов при 348 членах и не могущей похвастать большими строительными достижениями — эта статья значительно больше выиграла бы, если бы основные мысли автор уложил на нескольких страницах. Указанная статья ничем не хуже многих других, но метод формирования журнала при помощи таких громоздких статей, нельзя признать правильным. Редакции журнала будет трудно выработать из плена громоздких обзорных статей, если она не будет следить за тем, чтобы основные отрасли и проблемы хозяйства находили освещение, соответствующее их значению в народном хозяйстве. Давая общую оценку журнала, следует сказать, что журнал дает богатый, обработанный экономический и краеведческий материал по северному хозяйству и является ценным журналом. Грядущее оформление Северо-Восточной Области ставит перед журналом задачу — принять ярко-выраженный областной характер и вместе с тем, четко отражать генеральные политические линии хозяйственного развития.

П. Горшечников.

НОВЫЕ КНИГИ

Пятилетний план народного хозяйства СССР. Том II, часть I-я, стр. 493, цена 4 руб.; часть 2-я, стр. 410, цена 3 руб. 50 коп.; том III, стр. 568, ц. 5р. 25 коп. Изд. „План. Хоз.“ М. 1929.

Все три книги являются составными частями трехтомника, подготовленного Госпланом СССР и посвященного пятилетнему плану народного хозяйства СССР на период 1928/29—1932/33 гг. В первой части второго тома дана строительная и производственная программы плана, во второй части — социальные проблемы, проблемы распределения, труд и культура, а в третьем томе — районный разрез пятилетнего плана.

Эм. Квиринг. Очерки развития промышленности СССР 1917—1927 гг. ГИЗ, 1929 г., стр. 231, ц. 2 р. 25 к.

Цель настоящей работы — подвести важнейшие итоги первого десятилетия советской промышленности на основе анализа главных этапов ее развития. Разделы этой книги посвящены периоду военного коммунизма, общим итогам нэпа, характеристике планового хозяйства, кризисным явлениям (кризис сбыта 1923 г. и товарный голод), сезонным колебаниям и т.д. Завершается работа главой, посвященной перспективам пятилетия 1927/28—1931/32 гг.

Пути под'ема и социалистической реконструкции сельского

хозяйства. Сборник статей под редакцией М. И. Лациса и И. И. Литвинова. ГИЗ, 1929 г., стр. 319, ц. 1 р. 50 к.

Настоящий сборник включает статьи тт. Милюткина, Лациса, Биденко, Шефлера, Дубровского, Беленького, Лискуна, Лежнева-Финьковского, Владимирского, акад. Вавилова и др., всесторонне освещающие основные вопросы сельского хозяйства Союза, в том числе пути его развития, проблему совхозов и колхозов, проблему коллективизации деревни, пути химизации в сельском хозяйстве, сортового семеноводства, животноводства и т.д.

С. Ужанский. Урожай и народное хозяйство. ГИЗ, 1929 г., стр. 140, ц. 50 к.

Автор анализирует проблему урожайности в связи с индустриализацией страны и социалистическим переустройством сельского хозяйства Союза. На ряду с освещением этой проблемы применительно к СССР, автор дает характеристику ее в довоенной России, а также в иностранных государствах.

Колхозы на Урале в 1928 г. Изд. Уральского областного статистического управления. Свердловск, 1929 г., стр. 124, ц. 2 руб.

Разработка материалов сплошного обследования колхозов Урала произведенного в июне—августе в 1928 г. статистическими органами области.

Проф. Г. А. Студенский. Организация крупных сел.-хоз. предприятий в Германии (Международный Аграрный Институт). Изд. „Новый агроном“, М., 1929 г., стр. 443, ц. 4 р. 50 к.

Приведенное издание является результатом обследования, произведенного автором по поручению Международного Аграрного Института, и освещает, главным образом, постановку организационно-технической стороны крупно-капиталистических сел.-хоз. предприятий.

И. Златоцветов. Социалистическое накопление в СССР и его источники. ГИЗ, 1929 г., стр. 111, ц. 50 к.

Систематизированное популярное изложение директив партии и других материалов по вопросу об источниках, путях и методах социалистического накопления в СССР.

А. Эссен. Пути строительства СССР. ГИЗ, 1929 г., стр. 240, ц. 2 р. 10 к.

Настоящая работа представляет очерк советского и хозяйственного строительства Союза за первое десятилетие. Ряд глав этой книги посвящен экономике СССР.

Инж. В. Борц и инж. В. Умблия. Рабочая сила на жел.-дор. транспорте. Изд. Транспечать НКПС., М., 1929 г., стр. 124, ц. 2 р.

Авторы настоящей работы задались целью осветить основные проблемы, связанные с регулированием, нормированием и оплатой труда на жел.-дор. транспорте, имея в виду дать основные вехи для составления перспективного плана в области рабочей силы и зарплаты на транспорте.

В. Реймес. Введение в историю хозяйства. Перевод с немецкого под общей редакцией и с предисловием И. И. Рубина, с предисловием к нему изд. Генриха Кунова. ГИЗ, 1929 г., стр. 189, ц. 1 р. 35 к.

Популярное введение в историю капиталистического хозяйства. Автор дает картину экономического развития человечества от первобытных времен до настоящего времени.

С. А. Гурвич и В. К. Позняков. Заработная плата. Теоретические основы и современные проблемы. ГИЗ, 1929 г., стр. 140, ц. 1 руб.

Попытка освещения современных теоретических проблем заработной платы на основе конкретного материала с критическим изложением новейших систем в этой области.

Модест Рубинштейн. Противоречия американского капи-

тализма. Изд. „Моск. Рабочий“, М., 1929 г., стр. 160, ц. 1 р. 50 к.

Работа М. Рубинштейна посвящена выявлению основных противоречий в современном американском капитализме и несоответствия между производственным аппаратом и платежеспособностью страны, в первую очередь, покупательной способности широких трудящихся масс.

У. Рандольф Бэрджес. Банковская организация американского капитализма. Перевод с английского Б. Б. Соловейчика. Предисловие Г. Я. Сокольников. ГИЗ, 1929 г., стр. 279, ц. 3 р.

Книга Бэрджеса знакомит с одной стороны, с устройством и ходом работ федеральных резервных банков, с другой, с американской системой регулирования денежного и кредитного рынков, осуществляемой банковской системой. Книга снабжена большим количеством графиков.

Г. Деборин, Г. Сраговичи М. Черник. Теория и практика планирования народного хозяйства СССР. Библиография. Под ред. и с предисловием А. С. Мендельсона. ГИЗ, 1929 г., стр. 244, ц. 5 руб.

Настоящий библиографический сборник включает весь книжный и журнальный материал по вопросам теории и практики планирования народного хозяйства СССР, напечатанный на русском языке за 1917/1927 гг. и первое полугодие 1928 г. Работа является частью задуманной кабинетом планирования экономич. факультета института им. Плеханова серии работ.

В. В. Покшишевский. Центрально-Черноземная область. ГИЗ, 1929 г., стр. 192, ц. 1 р. 40 к.

И. И. Татарчуков. Центрально-Черноземная область. Изд. ЦЧОбластной плановой комиссии. Воронеж, 1929 г., ц. 90 коп.

Центрально-Черноземная Область. Статистический справочник. Изд. Статотдела ЦЧО. Воронеж, 1929 г., стр. 463, цена не указана.

Первые две книжки являются экономико-географическими очерками ЦЧО, построенными примерно по одному плану и освещающими основные моменты, определяющие экономическое положение Области. Третья книжка представляет собой первую публикацию официальных статистических материалов и показателей, применительно к районированию ЦЧО.